

**С ТОБОЙ
ЧТО-ТО
НЕ ТАК**

И. Зайнуллин

Ильвир Зайнуллин

С тобой что-то не так

<https://litres.ru/73872395>

ISBN 9785006982291

Аннотация

Он жил обычной жизнью, пока реальность не начала давать сбои. Сначала — едва заметные странности, затем исчезающие люди, чужие воспоминания и тишина, которая стала звучать громче слов. Мир вокруг трескается, но ещё страшнее другое: трещина проходит через него самого. Кто он — наблюдатель или часть эксперимента? И что останется, когда исчезнет тот, кто задаёт вопросы?

Содержание

Предисловие	5
Краткое содержание	6
Глава 1. Я не успел	8
Глава 2. Сообщение в 03:17	13
Глава 3. Последний разговор	18
Глава 4. День, который я проигнорировал	24
Глава 5. Когда всё начало рушиться	30
Глава 6. Его тишина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

С тобой что-то не так

**Ильвир Ирекович
Зайнуллин**

© Ильвир Ирекович Зайнуллин, 2026

ISBN 978-5-0069-8229-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга начинается не с события и не с героя. Она начинается с ощущения, которое невозможно сразу назвать — будто что-то в привычной реальности чуть сдвинулось, но настолько тонко, что разум сперва отказывается это замечать.

Здесь нет простого ответа на вопрос «что происходит». И, возможно, это и не история в привычном смысле. Скорее — постепенное расслоение привычного мира, в котором даже самые обычные вещи начинают вести себя иначе: слова теряют устойчивость, память перестаёт быть надёжной, а тишина начинает говорить громче, чем люди.

Чем дальше вы будете читать, тем сложнее станет отличить внешнее от внутреннего, реальное от возможного, а наблюдателя — от того, кто всё это наблюдает.

И в какой-то момент станет ясно: эта история никогда не была только про события.

Она всегда была про то, кто именно их переживает.

Краткое содержание

Главный герой живёт обычной жизнью, пока в ней не начинают появляться едва заметные сбои — в отношениях, восприятии, памяти и самой логике происходящего. Сначала это выглядит как усталость или совпадения, но постепенно мир становится всё менее стабильным.

Люди вокруг него начинают вести себя так, будто знают больше, чем говорят. Некоторые исчезают из его жизни так, будто их никогда и не существовало. Другие появляются с ощущением, что были рядом всегда.

Параллельно усиливается ощущение «второго слоя» реальности — будто за привычным миром существует ещё один, более глубокий, в котором происходящее имеет иной смысл и иную логику.

Попытки героя удержать привычное понимание себя приводят лишь к ещё большему расслоению восприятия. Он начинает сомневаться не только в окружающем мире, но и в собственном «я» — в том, является ли оно цельным или состоит из множества несовпадающих версий.

По мере развития истории становится ясно: речь идёт не о внешней загадке, а о постепенном распаде единой точки наблюдения, из которой человек привык воспринимать реальность.

И главный вопрос книги оказывается не в том, что проис-

ходит с миром...

А в том, что остаётся, когда исчезает тот, кто его наблюдает.

Глава 1. Я не успел

Он умер в 03:17. Я запомнил это время не потому, что хотел, а потому что оно врезалось в меня, как осколок стекла — резко, холодно, навсегда. Цифры на экране телефона будто выжглись изнутри, и даже сейчас, стоит мне закрыть глаза, я снова вижу их — бледно-голубые, равнодушные, не имеющие никакого права означать конец чьей-то жизни. В тот момент я ещё не до конца понял, что именно произошло, но уже чувствовал: мир, который я знал, только что дал трещину, и эта трещина больше никогда не затянется.

Сначала была тишина. Не обычная ночная тишина, к которой привыкаешь, а другая — густая, давящая, словно воздух стал тяжелее и перестал двигаться. В этой тишине даже собственное дыхание казалось чужим, неровным, будто кто-то другой стоял рядом и дышал за меня. Я сидел, не двигаясь, глядя в одну точку, и пытался понять, почему вдруг стало так холодно, хотя батареи всё ещё были горячими, а окна — плотно закрытыми.

Потом пришло сообщение. Короткое. Без имени, без объяснений, без попытки смягчить удар. Всего три слова — сухие, точные, окончательные. *«Его больше нет»*. Я смотрел на них долго, слишком долго, будто они могли измениться под моим взглядом, будто между буквами пряталась ошибка, шанс, другая реальность, где всё ещё можно было бы на-

брать его номер и услышать в трубке живой голос. Но слова не менялись. Они стояли на месте, как приговор, который уже вынесен и не подлежит обжалованию.

Телефон выскользнул из рук и глухо ударился об пол. Этот звук оказался неожиданно громким — он разорвал тишину, как выстрел, и на секунду мне показалось, что сейчас всё вернётся обратно, что это просто сон, что я сейчас наклонюсь, подниму телефон, и сообщение исчезнет, растворится, как утренний туман. Но экран продолжал светиться, и тонкая трещина, прошедшая через него, разделила слова пополам, как будто даже стекло не выдержало того, что в них было заключено.

Я опустился на пол, не чувствуя ног, не понимая, как именно оказался там. Холод плитки медленно поднимался по телу, но внутри не было ни дрожи, ни сопротивления — только пустота, огромная, бесконечная, как если бы из меня разом вынули всё, что делало меня живым. Я пытался нащупать хоть какую-то эмоцию — страх, боль, злость — но находил только глухую, вязкую тишину внутри себя, в которой не было даже эха.

Самое страшное пришло не сразу. Оно не ударило, не закричало, не заставило вскочить. Оно подкралось тихо, почти незаметно, и остановилось где-то в груди, тяжёлым, неподъёмным камнем. Я не успел. Эта мысль сначала была просто словами, но потом начала обрастать смыслом, деталями, воспоминаниями — и с каждым мгновением становилась всё

тяжелее, всё невыносимее.

Последний наш разговор был три дня назад, и теперь он прокручивался в голове снова и снова, как заевшая запись, от которой невозможно избавиться. Я помнил всё: как он вздохнул перед тем, как сказать, что у него всё нормально, как сделал паузу, чуть дольше обычного; как голос его стал тише, почти незаметно, так, что тогда я не придал этому значения. Люди умеют прятать боль за простыми словами, и я, как последний идиот, поверил этим словам.

— Всё нормально. Не переживай.

Эта фраза теперь звучала иначе — не как успокоение, а как прощание, которое я не распознал. Я ответил что-то дежурное, пустое, что-то, что говорят, когда думают, что впереди ещё есть время. Сказал, что занят. Сказал, что позже перезвоню. Сказал это так легко, будто «позже» — это гарантированное будущее, которое никуда не денется.

Потом. Я сказал «потом». И теперь это слово звучало в голове, как издёвка, как приговор самому себе. Сколько раз в жизни мы откладываем важное на потом, не замечая, что это «потом» может так и не наступить? Я выбрал свои дела, свои планы, свою занятость — всё то, что сейчас казалось абсолютно пустым, ненужным, ничтожным по сравнению с тем, что я потерял.

Я поднял телефон с пола и снова посмотрел на сообщение, словно надеясь, что за эти несколько секунд что-то изменилось. Но слова остались прежними. Тогда я набрал его

номер. Пальцы дрожали, хотя я этого почти не чувствовал. Гудки пошли сразу — один, второй, третий — и с каждым из них во мне росло странное, почти безумное ожидание, что он ответит, что сейчас всё это окажется ошибкой, недоразумением, чужой трагедией, которая случайно коснулась меня.

Но он не ответил. Тишина в трубке была другой — не той, что в комнате, а глубже, более окончательно и безвозвратно. Я слушал её до тех пор, пока не понял: это и есть ответ. Самый страшный из всех возможных. Ответ, в котором нет слов, потому что слова больше некому произносить.

Я закрыл глаза, и в темноте сразу же всплыло его лицо — живое, настоящее, с тем выражением, которое я, возможно, уже никогда не смогу вспомнить точно. Память странно устроена: она цепляется за мелочи, но ускользает от главного. И в тот момент я впервые по-настоящему испугался не только его смерти, но и того, что со временем начну забывать — голос, интонации, взгляд.

И тогда пришло понимание — простое, жестокое, окончательное. Мы всегда думаем, что успеем. Успеем сказать важное, задать нужные вопросы, вернуться, если ушли, остаться, если нужно. Мы живём так, будто время бесконечно, будто у нас есть запасные попытки, дополнительные шансы, черновики жизни, которые можно переписать начисто.

Но это ложь. У жизни нет черновиков. Есть только моменты, которые либо прожиты, либо упущены навсегда. И после некоторых из них уже ничего нельзя исправить — ни слова-

ми, ни поступками, ни раскаянием.

И ты остаёшься один. С тишиной, которая больше никогда не станет обычной. С памятью, которая будет возвращаться в самые неподходящие моменты. С голосом внутри, который снова и снова будет повторять одно и то же:

ты мог... но не сделал.

Глава 2. Сообщение в 03:17

Я не помню, сколько времени просидел на полу, сжимая телефон в руке, как будто он был единственной вещью, которая ещё связывала меня с реальностью. Минуты растягивались, теряли форму, становились чем-то вязким и бесконечным. Часы на стене продолжали идти, но их тихое тиканье вдруг стало невыносимо громким — каждый щелчок словно вбивал в сознание одну и ту же мысль: время не остановилось. Оно пошло дальше. Без него.

Я снова открыл сообщение. В этот раз медленнее, будто боялся, что оно изменится — или, наоборот, останется таким же. *«Его больше нет»*. Ни имени. Ни подписи. Ни объяснения. Только эти три слова, которые могли означать всё и ничего одновременно. Кто написал это? Почему именно мне? И почему так... безлично?

Я прокрутил переписку вверх. Пусто. Этот номер не писал мне раньше. Ни одного сообщения, ни одной попытки связаться. Просто внезапное появление — и сразу удар в самое сердце. Это было неправильно. Люди не сообщают о смерти так. Даже чужие стараются добавить хоть что-то — сочувствие, имя, подробности. Здесь же было только сухое уведомление, словно речь шла не о человеке, а о событии, которое нужно зафиксировать.

Я нажал на номер. Никакого имени. Только цифры. И

ещё одна странность — код был незнакомым. Я нахмурился, пытаюсь вспомнить, откуда он может быть, но мысли путались, ускользали, как будто мозг отказывался работать в нормальном режиме. Всё происходящее казалось чужим, неестественным, словно я оказался внутри чьего-то сна, который не должен был мне принадлежать.

Я нажал «позвонить» ещё раз. Гудки. Долгие, равномерные, раздражающе спокойные. Как будто по ту сторону линии всё было в порядке, как будто там не произошло ничего из того, что только что перевернуло мою жизнь. Я слушал их, сжимая зубы, и ждал. Ждал хотя бы чего-то — голоса, шума, случайного звука. Но снова — ничего.

И вдруг... щелчок.

Я замер.

Это был не обрыв связи. Не тот привычный звук, когда звонок просто заканчивается. Это был другой щелчок — тихий, почти незаметный, но такой, который бывает, когда на том конце кто-то поднимает трубку... и молчит.

— Алло?.. — мой голос прозвучал хрипло, словно я не говорил уже несколько дней.

Тишина.

Но не пустая. Я вдруг отчётливо почувствовал: там кто-то есть. Не просто линия, не просто сеть — человек. Кто-то слушал. Я даже поймал себя на мысли, что слышу дыхание. Очень тихое. Почти неуловимое.

— Кто это?.. — спросил я уже тише, будто боялся спуг-

нуть этот странный контакт.

И в этот момент связь оборвалась.

Я ещё несколько секунд держал телефон у уха, не веря в то, что только что произошло. Сердце билось быстрее, чем должно было, и в груди появилась тревога — новая, острая, не похожая на ту глухую пустоту, которая была раньше. Это уже было не просто горе. Это было что-то другое.

Я посмотрел на экран. Вызов завершён. Длительность — 12 секунд.

Двенадцать секунд тишины... и чьё-то присутствие.

Руки начали дрожать сильнее. Я открыл профиль номера ещё раз и заметил то, чего не увидел раньше. Маленький значок — будто изображение. Я нажал.

Фото загрузилось не сразу. Секунда. Вторая. И потом...

Я резко вдохнул.

Это был он.

Фотография была старой — я сразу это понял. Ещё до всего. До ссор, до расстояния, до той странной холодности, которая появилась между нами в последние месяцы. Он стоял, слегка щурясь от солнца, с той самой полуулыбкой, которую невозможно было подделать. Живой. Настоящий.

Но это было невозможно.

Номер был чужим. Сообщение — безымянным. И всё же — его лицо.

Я провёл пальцем по экрану, увеличивая изображение, будто пытаюсь найти в нём подвох, ошибку, монтаж. Но это

было обычное фото. Даже слишком обычное, чтобы быть подделкой.

— Что за... — слова застряли в горле.

Мысли начали цепляться одна за другую, выстраивая версии, каждая из которых казалась всё более странной. Может, это кто-то из его знакомых? Может, номер просто сменился? Может... это какая-то ошибка?

Но тогда почему он молчал?

Почему не ответил?

Почему просто слушал?

Я резко встал, едва не потеряв равновесие. Комната поплыла перед глазами, но я удержался, ухватившись за край стола. В голове начала оформляться новая мысль — тревожная, неприятная, но логичная.

Если это не ошибка... значит, кто-то знает больше, чем я.

И этот кто-то решил связаться именно со мной.

Я снова посмотрел на сообщение. Теперь оно выглядело иначе. Уже не просто факт. А как будто... начало.

Начало чего-то, в чём я пока не понимал ни правил, ни смысла.

Телефон завибрировал в руке так резко, что я вздрогнул.

Новое сообщение.

От того же номера.

Я замер на секунду, прежде чем открыть его. Внутри всё сжалось, как перед прыжком в холодную воду — ты уже знаешь, что будет больно, но всё равно делаешь это.

Я открыл.

На экране появилась новая строка.

«Ты тоже виноват.»

Я не сразу понял смысл этих слов. Они будто не укладывались в голове, не находили места. Но потом... что-то внутри дрогнуло.

И холод, который раньше был только снаружи, теперь разлился внутри.

Потому что где-то очень глубоко я уже знал: это правда.

Глава 3. Последний разговор

Я не ответил сразу.

Телефон всё ещё был у меня в руке, экран светился в полумраке комнаты, и эти три слова — *«Ты тоже виноват»* — будто прожигали пространство между мной и реальностью. Я смотрел на них, не моргая, как будто, если отвести взгляд, они станут чем-то большим. Или наоборот — исчезнут, оставив меня наедине с тем, что было до них. Но они оставались.

Внутри что-то изменилось. Это уже было не просто горе. Не просто потеря. Это было обвинение. Чёткое. Личное. Направленное прямо в меня.

И самое страшное — я не мог его отрицать.

Пальцы медленно опустились на клавиатуру. Я хотел написать что-то резкое, требовательное — *«Кто ты такой?»*, *«Что это значит?»*, *«Что произошло?»* — но слова не складывались. Всё казалось либо слишком слабым, либо слишком поздним. В итоге я не написал ничего. Просто смотрел на экран, ожидая... сам не зная чего.

Ответа не последовало.

Минуты шли, но номер больше не писал. Словно сделал то, что хотел — бросил камень — и исчез, оставив круги на воде расходиться сами собой.

Я резко вдохнул и закрыл глаза. И в этот момент воспоминание вернулось.

Последний разговор.

Он всплыл не как обычная память, а как будто я снова оказался внутри него — с тем же светом, тем же звуком, тем же ощущением, что тогда ничего особенного не происходит.

Три дня назад.

Я стоял у окна, одной рукой держал телефон, другой листал что-то на ноутбуке. Я помню, что был занят. Или думал, что занят. На самом деле — просто не хотел отвлекаться.

— Привет, — сказал он.

Голос был обычным. Почти.

— Привет. Что-то срочное? — ответил я, даже не пытаюсь скрыть раздражение.

Сейчас это «что-то срочное» звучало как нож.

Тогда — как привычная фраза.

Он сделал паузу. Короткую. Но теперь, вспоминая, я понимаю — она была длиннее, чем должна была быть.

— Нет... просто хотел поговорить.

Просто поговорить.

Сколько раз люди говорят это, когда им на самом деле нужна помощь?

Я перевёл взгляд на экран ноутбука. Там было что-то важное. Как мне тогда казалось.

— Давай чуть позже? Я сейчас занят.

Снова пауза.

Я не обратил внимания.

— Да... конечно, — сказал он тихо. — Просто... ладно.

И вот здесь.

Вот здесь было что-то.

Сейчас я это слышу отчётливо. Тогда — нет.

В его голосе мелькнула усталость. Не физическая. Глубже.

Такая, от которой не отдыхают.

— У тебя точно всё нормально? — спросил я уже скорее автоматически, чем из интереса.

И снова — пауза.

Дольше.

Слишком долго для простого вопроса.

— Да, — ответил он. — Всё нормально. Не переживай.

Люди лгут именно так.

Спокойно.

Без лишних слов.

Я кивнул, хотя он не мог этого видеть.

— Ну тогда потом созвонимся.

— Потом... — повторил он.

И вот это слово прозвучало странно.

Будто он пробовал его на вкус.

Будто не верил в него.

Но я уже не слушал.

— Всё, давай. Напишешь.

— Угу...

Связь оборвалась.

И это был последний раз, когда я слышал его голос.

Я резко открыл глаза.

Комната снова была передо мной — та же, но уже чужая. Всё вокруг казалось каким-то ненастоящим, как декорация, за которой скрывается что-то другое, более тёмное и важное.

Я подошёл к столу и открыл ноутбук. Экран загорелся, и на нём осталось то самое окно, на которое я смотрел тогда, во время разговора.

Я замер.

Это было не просто совпадение.

Это было сообщение.

Чат.

Открытый чат... с ним.

Я не помнил, чтобы открывал его тогда. Но теперь он был здесь.

Я медленно сел и начал прокручивать переписку вверх.

Сообщения. Много. Старые, тёплые, живые. Шутки. Планы. Споры. Всё, что было до того, как между нами что-то изменилось.

А потом — пауза.

Длинная.

И последнее сообщение.

Не от меня.

От него.

Отправлено... в ту ночь.

Я нахмурился. Сердце ускорилося.

Я точно не видел этого сообщения.

Я бы запомнил.

Я кликнул.

Текст открылся.

И в этот момент всё внутри меня сжалось.

«Если ты это читаешь — значит, я не смог».

Я замер.

Каждое слово словно отдавалось внутри глухим эхом.

Не смог... что?

Что он пытался сделать?

Почему это сообщение пришло... но я его не увидел?

Я продолжил читать.

Но текста больше не было.

Только одна строка.

Как будто он начал... и не закончил.

Или кто-то не дал ему закончить.

В комнате стало холоднее.

Я медленно перевёл взгляд на телефон.

И в этот момент пришло новое сообщение.

С того же номера.

Я уже не колебался.

Открыл сразу.

На экране появилось:

«Ты всё ещё думаешь, что это было случайно?»

Я почувствовал, как по спине пробежал холод.

Потому что впервые за всё это время у меня появилась
мысль, от которой стало по-настоящему страшно:

а что, если он не просто умер?

А что, если это только начало?

Глава 4. День, который я проигнорировал

Я не сразу понял, что именно меня пугает.

Не сообщение. Не слова. Даже не сам факт его смерти.

Меня пугала логика происходящего.

Слишком много совпадений. Слишком точных, слишком вовремя. Сообщение без имени. Звонок, в котором кто-то молчит. Фотография, которая не должна была быть привязана к этому номеру. И теперь — его незавершённое сообщение, которого я не видел тогда, но вижу сейчас.

Как будто кто-то аккуратно раскладывал передо мной кусочки одной и той же картины, заставляя смотреть именно туда, куда нужно.

Я снова перечитал: *«Ты всё ещё думаешь, что это было случайно?»*

И впервые не стал отталкивать эту мысль.

Если это не случайность... значит, есть причина.

И если есть причина — значит, был момент, когда всё можно было изменить.

Я резко закрыл ноутбук.

В голове всплыло ещё одно воспоминание.

Не разговор.

День.

Тот самый день, который я почти полностью вычеркнул из памяти, потому что он казался незначительным.

Теперь — нет.

Теперь он возвращался.

Чётко. Подробно. Слишком подробно.

Два дня до его смерти.

Я шёл по улице, разговаривая по телефону, почти не глядя по сторонам. Помню серое небо, мокрый асфальт, редкие прохожие — всё как обычно. День ничем не выделялся. Он был из тех дней, которые проживаешь автоматически и забываешь через час.

Почти.

Телефон завибрировал. Второй звонок. Я раздражённо посмотрел на экран.

Это был он.

Я помню, как поморщился.

Не потому, что не хотел говорить. А потому что это было... не вовремя.

Сейчас это казалось самой жалкой причиной из всех возможных.

Я сбросил.

Просто нажал кнопку — и продолжил идти дальше, как будто ничего не произошло.

Но он позвонил снова.

Сразу.

Это уже было странно.

Он никогда так не делал.

Я остановился. На секунду задумался. Внутри мелькнуло ощущение — слабое, почти незаметное — что стоит ответить.

Но в этот момент человек на линии сказал что-то важное, и я отвлёкся.

И снова сбросил.

Второй раз.

Я даже не написал ему потом.

Ни «перезвоню», ни «что случилось».

Ничего.

Я просто... продолжил жить.

И вот сейчас это «ничего» вдруг стало самым громким моментом из всех.

Я резко встал и начал ходить по комнате. Мысли ускорились, начали складываться в цепочку, которую я раньше не видел.

Он позвонил дважды.

Сразу.

Значит, это было важно.

Значит, он пытался до меня достучаться.

А я...

Я не ответил.

Телефон снова завибрировал.

Я вздрогнул, но уже не от неожиданности — от ожидания.

Сообщение.

Тот же номер.

Я открыл.

«Ты сбросил дважды.»

Я застыл.

Сердце пропустило удар.

Это уже не было общими фразами.

Это было... конкретно.

Слишком конкретно.

Я оглянулся по сторонам, как будто кто-то мог стоять в комнате и наблюдать за мной. Глупо. Нелепо. Но ощущение не проходило.

Кто-то знал.

Не просто знал, что он умер.

А знал, что происходило, между нами.

В деталях.

В точности.

Я быстро набрал ответ:

«Кто ты?»

Отправил.

Три точки.

Печатает.

Я смотрел на экран, не отрываясь, как будто от этого зависело, что будет дальше.

Сообщение пришло почти сразу.

«Тот, кто был рядом, когда ты не был.»

Холод прошёлся по коже.

Рядом... когда я не был.

Это звучало так, будто...

Будто кто-то занял моё место.

Я сжал телефон сильнее.

«Что произошло?» — написал я.

Ответ пришёл не сразу.

Дольше, чем раньше.

Секунды тянулись.

И вдруг...

Сообщение.

«Ты правда хочешь знать?»

Я не сомневался.

«Да.»

Пауза.

Длиннее, чем все предыдущие.

И потом —

«Тогда вспомни тот вечер.»

Я нахмурился.

Какой вечер?

Но ответ пришёл раньше, чем я успел спросить.

«Ты уже был там.»

Я резко замер.

В груди что-то сжалось.

Потому что в голове вспыхнуло ещё одно воспоминание.

Слабое.

Размытое.

Но тревожное.

Вечер.

Подъезд.

Свет, который моргал.

И ощущение, что я не должен был туда заходить.

Я сделал шаг назад, будто это могло отдалить меня от этой

мысли.

Но было поздно.

Память начала возвращаться.

Медленно.

По кускам.

И вместе с ней — страх.

Потому что если это правда...

Если я действительно был там...

Значит, я пропустил не просто звонок.

Я пропустил что-то гораздо хуже.

Телефон снова завибрировал.

Последнее сообщение.

«Ты видел его последним.»

И в этот момент я понял:

я не просто не успел.

Я что-то забыл.

Глава 5. Когда всё начало рушиться

Память не возвращается сразу — она сопротивляется. Особенно та, которую ты сам когда-то решил не удерживать. Она прячется, дробится на обрывки, размывается, как будто защищает тебя от того, что скрыто внутри. Но стоит сделать первый шаг навстречу — и она начинает собираться обратно, медленно, болезненно, будто кто-то заново сшивает разорванную ткань. Именно это сейчас происходило со мной: я чувствовал, как внутри поднимается что-то тяжёлое, вязкое, неприятное — не просто воспоминание, а осознание того, что я уже знал правду... и всё равно прошёл мимо.

Я снова сел за стол и открыл ноутбук, хотя не до конца понимал, что именно хочу там найти. Экран загорелся, отразив моё лицо — бледное, напряжённое, с пустыми глазами, в которых читалась не только усталость, но и страх. Я открыл переписку с ним ещё раз и начал читать медленно, уже не пробегая глазами, как раньше, а вчитываясь в каждую строку, в каждое слово, в каждую паузу между сообщениями. И чем дальше я листал, тем отчётливее понимал: всё начало рушиться задолго до той ночи, просто я не хотел этого замечать.

Сначала это были мелочи — редкие ответы, исчезающие

на несколько дней паузы, странные, будто недосказанные фразы. Раньше он мог написать ночью, днём, без повода, просто чтобы поделиться чем-то, что показалось ему важным или смешным. Но потом это исчезло. Сообщения стали короче, реже, осторожнее. В них появилось что-то... чужое. Как будто он писал, но одновременно сдерживал себя, фильтровал каждое слово, боялся сказать лишнее. Я тогда списал это на занятость, на усталость, на жизнь, которая у всех со временем становится сложнее. Это было удобное объяснение. Слишком удобное.

Я остановился на одном из диалогов, который раньше не привлёк моего внимания. Он написал: «Ты когда-нибудь чувствовал, что за тобой наблюдают?» Я ответил шуткой — что-то банальное, вроде «паранойя — первый признак гениальности». Он не поддержал. Не засмеялся. Не продолжил тему. Просто написал: «Я серьёзно». И вот это «я серьёзно» тогда показалось мне лишним, странным, но не настолько важным, чтобы задуматься. Сейчас же оно звучало иначе — как попытка сказать что-то большее, чем позволяли слова.

Я прокрутил дальше и увидел ещё одно сообщение: «Если что-то случится, ты должен будешь мне поверить». Я нахмурился, перечитывая его снова и снова, пытаюсь вспомнить, что я тогда ответил. Ответ оказался предсказуемо пустым: «С тобой ничего не случится». Я даже не спросил, что он имеет в виду. Не уточнил. Не попытался понять. Просто закрыл тему, как закрывают вкладку в браузере — быстро, не

задумываясь, что в ней могло быть что-то важное.

И именно в этот момент я почувствовал, как внутри что-то окончательно сдвинулось. Это было не резкое осознание, а медленное, почти физическое ощущение, будто пол под ногами перестаёт быть твёрдым. Потому что всё, что раньше казалось случайным, теперь складывалось в систему. Его слова. Его паузы. Его звонки. Его попытки говорить — и моё нежелание слушать. Это не было внезапным. Это было постепенное разрушение, которое я игнорировал до самого конца.

Телефон лежал рядом, и я вдруг понял, что боюсь к нему прикоснуться. Потому что каждое новое сообщение от того номера не просто давало информацию — оно подтверждало: кто-то знает всё. Не в общих чертах. В деталях. В нюансах, которые невозможно угадать. И это знание не могло быть случайным.

Я всё же взял телефон и открыл чат. Последнее сообщение всё ещё было там: «Ты видел его последним». Я смотрел на него, и в голове постепенно выстраивалась мысль, от которой становилось не по себе. Если это правда — значит, я действительно был там, в тот вечер, который сейчас возвращался ко мне кусками. Значит, я видел его не за три дня до этого. А позже. Намного позже.

Но тогда почему я этого не помню?

Этот вопрос возник резко, почти болезненно, и сразу же за ним потянулся другой — ещё хуже. А что, если я не просто

забыл? Что, если я... не хотел помнить? Я попытался восстановить тот вечер, сосредоточиться, вытянуть из памяти хоть что-то чёткое, но образы оставались размытыми: подъезд, тусклый свет лампы, запах сырости, звук шагов, который эхом отдавался в пустом пространстве. И ещё — ощущение тревоги. Не явной, не оформленной в мысль, а глубокой, интуитивной, как будто что-то внутри меня уже тогда знало: это место, этот момент — неправильные.

Я встал и прошёлся по комнате, пытаюсь избавиться от нарастающего напряжения, но оно только усиливалось. Воспоминания не просто возвращались — они начинали давить, требовать внимания, как будто за ними стояло что-то большее, чем просто прошлое. И именно в этот момент я впервые допустил мысль, которую раньше бы сразу отверг.

А что, если он не просто просил о помощи?

А что, если он пытался меня предупредить?

Я резко остановился.

Если это так... тогда всё меняется.

Тогда его сообщения — не случайные фразы.

Его звонки — не просто попытка поговорить.

И его смерть...

Я не договорил даже мысленно.

Телефон снова завибрировал.

Я посмотрел на экран, уже почти ожидая этого.

Новое сообщение.

Тот же номер.

Я открыл.

Текст был длиннее, чем раньше.

«Ты начинаешь понимать. Но всё ещё не там смотришь.

Важно не то, что он говорил. Важно, кому он это говорил до тебя.»

Я почувствовал, как по спине медленно проходит холод.

До меня.

Значит, был кто-то ещё.

Кто-то, кто знал раньше.

Кто-то, кто был ближе.

И, возможно...

кто-то, кто всё ещё рядом.

Я медленно опустил телефон, и в голове впервые за всё это время появилась чёткая, ясная мысль:

если я хочу понять, что произошло...

мне придётся узнать, с кем он говорил до меня.

И почему этот человек до сих пор молчит.

Глава 6. Его тишина

Тишина бывает разной. Раньше я никогда об этом не задумывался — тишина просто была отсутствием звуков, паузой между словами, чем-то нейтральным, почти незаметным. Но теперь я начал различать её оттенки. Есть тишина спокойная, в которой можно отдохнуть. Есть тишина неловкая, когда не знаешь, что сказать. А есть другая — тяжёлая, вязкая, как будто она не просто окружает тебя, а проникает внутрь, заполняет всё пространство и не оставляет воздуха. Именно такая тишина теперь была связана с ним.

Я снова открыл нашу переписку и попытался взглянуть на неё иначе — не как на последовательность сообщений, а как на разговор, в котором слова были только частью смысла. Важно было то, что между ними. Паузы. Промежутки. Моменты, когда он не писал. Потому что именно там, в этих пустотах, и скрывалось то, что я тогда не заметил.

Я начал считать. Неосознанно, почти машинально. Сколько времени проходило между его сообщениями. Сколько — между моими. И чем дальше я углублялся, тем яснее становилось: его тишина не была случайной. Она не была просто занятостью или усталостью. Она была... осознанной. Как будто он что-то ждал. Или кого-то.

В одном из диалогов он исчез на три дня, а потом вернулся с коротким: «Извини, не мог писать». Я тогда даже не спро-

сил, почему. Сейчас же это «не мог» звучало слишком точно, слишком определённо. Не «не было времени». Не «был занят». А именно — не мог. Как будто ему не позволяли. Или он сам себе запрещал.

Я прокрутил дальше и заметил ещё одну деталь, от которой внутри стало не по себе. В некоторые дни он писал только в определённое время — поздно вечером или глубокой ночью. Почти никогда днём. Сначала это казалось совпадением, но чем больше я смотрел, тем очевиднее становился ритм. Как будто днём он... не мог быть на связи. Или не хотел, чтобы его видели онлайн.

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза, пытаясь сложить всё в одну картину. Его редкие сообщения. Его паузы. Его странные фразы. Его звонки, на которые я не ответил. И теперь — его тишина, которая перестала быть просто отсутствием слов и превратилась в знак. В сигнал. В предупреждение, которое я тогда не распознал.

Телефон лежал рядом, и я снова почувствовал это странное напряжение, как будто он был не просто устройством, а чем-то большим — каналом, через который кто-то наблюдает за мной. Я резко взял его и открыл чат с тем номером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.